

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

М.С. Моркин

МЕТАФИЗИКА ВРЕМЕНИ В ЖИЗНИ СОЗНАНИЯ

Аннотация: на основе трудов ряда философов строится и развивается концепция двойственного понимания времени. Затрагивается проблема соотношения внутреннего (субъективного) и объективного (физического) времени. Исследуется взаимосвязь этих двух понятий. Рассматривается общее и различное в явлениях, ими обозначаемых. Предлагаются идеи к выбору определенной позиции человека по отношению к времени.

Ключевые слова: философия, время, экзистенциальное время, физическое время, длительность, интервал, однородность, изменчивость, движение, сознание.

Введение

Поводом к написанию данной статьи послужили как интерес к философской проблеме понимания времени, так и обнаруженная близость метафизических представлений у философов, во многом очень различных:

Павел Флоренский — православный священник и учёный, исследователь оснований математики. Жил и работал только в России.

Жак Маритен — французский философ, представитель неотомизма, причисляющего себя к западной, католической мысли, искатель идей современного гуманизма;

Николай Бердяев — философ-экзистенциалист, причисляющий себя к христианству вообще, исследователь философии истории. Эмигрировал из России и работал во Франции.

Их представления, их идеи послужили в данной работе отправной точкой для метафизических рассуждений об одной из самых волнующих человека загадок — о времени. Итак, рассмотрим вначале идеи философов.

Некоторые мысли философов о физическом и субъективном времени

1. Павел Флоренский

Вдумываясь в феномен времени, каждый из нас замечает отличие его измеряемых интервалов и нашего субъективного их восприятия. Об этом пишет Павел Флоренский, подчеркивая, что это знает каждый на своем опыте. Это различие в ощущении и реальном течении времени особенно четко про-

является во сне. За короткое измеренное время во сне можно пережить месяцы, годы, или даже века и тысячелетия¹.

Флоренский объясняет это тем, что сознание спящего переходит в другую систему отсчета. Иная система, в которой возможно то, что невозможно в обычной реальности, в которой меняются местами причина и следствие, всё (пространство, материя, время) имеет «обратный смысл» — является другой стороной обычной реальности. Проводя параллель с математикой, философ обозначает эту сторону как мнимую реальность.

Рассматривая парадоксальность представлений о пространстве, и в частности, проблему существования мнимостей, Флоренский приходит к выводу, что пространство-время — двусторонне, подобно тому, как любая реальная плоскость, в отличие от математической, обладает двумя сторонами с различными свойствами. Один из возможных путей логического подтверждения этого факта — использование преобразований Лоренца для движения со скоростью, превышающей скорость света. Флоренский показывает на основе представлений современной механики возможность существования в нашей Вселенной относительных скоростей, больших, чем световая. Применив этот результат к формулам теории относительности, он получает, что определенная часть пространства имеет мнимые характеристики протяженности, массы и длительности. Также, как воздух «ломается» при движении в нем быстрее скорости света, также и пространство при скорости, большей скорости света, ломается, обнажая для нас свою

¹ См.: Флоренский П.А. Иконостас. СПб., 1993. С. 5.

изнанку. И на ней мы видим обращенные, мнимые законы физики, в т.ч. обратный или вообще иной ход времени².

Т.о. пространство-время двусторонне, или — с математической точки зрения — оно имеет мнимую сторону. Аккуратные математические рассуждения позволили философу ощутить реальность и близость «изнанки» мира, которая участвует во всех явлениях так же, как строгие математические построения приводят нередко к мнимому результату. Мнимая сторона — неотъемлемая часть бытия, всегда сопровождающая его, как тень или зеркальное отражение³. Эта «изнанка» есть у всего, она присутствует и в человеке, в его сознании. А потому, хотя физически невозможно построить сверхсветовые транспортные средства, человек, может свободно их исследовать благодаря сознанию, подчиненному законам мнимой физики⁴. Человек может воспринимать иную сторону действительности, и обладает для этого специальными органами психики, сознания. Флоренский говорит, что спящий, отключаясь от обычной действительности, приобретает новую меру времени. Приобрести новую меру времени — значит начать воспринимать время другой стороной сознания, через другую систему координат.

Многие работы Павла Флоренского пронизаны ощущением этой скрытой зеркальной стороны бытия, которая предстает у него как пространство мысли, сфера деятельности души (но не духа⁵). Свойство зеркальности особенно интересует Флоренского-математика, как источник удивительных парадоксов. «У Флоренского мы видим зеркало — как символ парадоксальной грани мнимого и действительного, где познавать и быть познаваемым одно и то же»⁶.

«Зеркальность» мнимой реальности подводит нас и к выводу о том, что она может быть парадоксально более важной, чем действительная. В ней проявляется то, что не может напрямую быть понято, подобно тому, как мы узнаем свой облик только

посредством зеркала. Здесь же, за счет обратного времени, обратной причинности, мы узнаем цели и смыслы; здесь — царство целей⁷.

Согласованность со своими догадками и логическими построениями философ находит не только в современной науке, но и в работах античных мыслителей. Он проводит аналогию с идеями по Платону — бестельных, непротяженных, неизменяемых, вечных, иначе говоря, сущностей, противоречащих реальной физике, но подчиненных законам физики мнимой⁸.

2. Жак Маритен

Основываясь на метафизике Бергсона и развивая её по-своему, Жак Маритен утверждает: «Реальное время *не есть* уподобленное пространству время нашей физики; и это несомненная истина, так как временные промежутки, с которыми имеет дело физик, представляют собой математические сущности, построенные по пространственно-временным меркам и, конечно, основывающиеся на реальном времени, но не тождественные ему: реальное время — онтологического, а не математического порядка»⁹.

Четкость и категоричность данного отрицания Маритен объясняет огромной силой отрицания, присущей интуиции. Интуиция содержит некий опыт, хотя и не ясный, но часто определяющий для философа. Интуиция может противоречить фактам — ведь факты очень часто воспринимаются нами неполно и неверно трактуются. В фундаментальных вопросах бытия, в неисследованной области, спасти от ложных рассуждений может только интуиция.

Как же понять слова о реальном времени? Может ли интуиция требовать признать как факт, что физического времени не существует? Скорее интуиция говорит о недостаточности представления времени как *только физического*.

Философ далее говорит об «интуиции длительности», т.е. о нашем ощущении того, что мы существуем, длимся во времени. При этом мы изменяемся нераздельным образом, претерпевая развитие вопреки косности материи.

Интуиция длительности возвращает нас к размышлениям П.Флоренского (тоже интуитивным)

² См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С. 50-51.

³ См.: Сафонов А. Павел Флоренский, Георг Кантор и проблема творчества в математике. Интернет-источник: http://es-dejavu.ru/f-2/Florensky_Cantor.html.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: там же.

⁶ Сафонов А. Павел Флоренский, Георг Кантор и проблема творчества в математике. Интернет-источник: http://es-dejavu.ru/f-2/Florensky_Cantor.html.

⁷ См.: Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С. 50.

⁸ См.: там же. С. 50.

⁹ Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М., 2006. С. 13.

о том, что можно пережить во сне за несколько часов — месяцы, годы, а то и тысячелетия.

Но параллель с Флоренским идёт и дальше... Жак Маритен соглашается со словами Бергсона о том, что для понимания времени надо погрузиться внутрь становления, увидеть другую сторону пространственного времени. Причем это опыт не будет вневременным, он только исследует иную сторону, на которой пред нами предстанет картина постоянной перегруппировки частей и постоянная переплавка целого.

Маритен, как и Бергсон, убежден, что такая метафизическая концепция станет органичным продолжением науки. Подобно Павлу Флоренскому, философ ищет согласованности собственной интуиции и современной науки. Откуда это сходство? Оба мыслителя признают, что при исследовании глубоких оснований бытия познавательные способности нашего сознания направлены на иную сторону окружающего мира, его изнанку — в мир идей и пространство целей. И одна из фундаментальных идей, которая обнаруживается там — осмысленное, направленное развитие, перегруппировка частей и радикальная переплавка целого. А эта идея — продолжение научного эволюционизма, идея о созидательности времени.

3. Николай Бердяев

В своём «Опыте эсхатологической метафизики» Н. Бердяев разделяет время на космическое и экзистенциальное, упоминая, при этом что каждый человек знает об этом различии на основе своего опыта. Космическое время — объективное, оно идет одинаково для всех и измеряется физическими явлениями, в него вписано историческое время.

Течение же субъективного времени определяется напряженностью внутренних переживаний: страданием, радостью, экстазом или творческим подъемом. Течение этого времени философ сравнивает с точкой, говорящей о «движении вглубь».

В первую очередь здесь хотелось бы отметить, что так же, как Маритен, Бердяев опирается на своеобразную интуицию длительности, «известную по опыту всякому человеку», и также разграничивает «космическое» время (у Маритена — «время нашей физики») и «экзистенциальное» (у Маритена — «интуиция длительности»).

У Бердяева мы далее замечаем рассуждение о «движении вглубь», т.е. о движении во времени по некой координате, не связанной с физическим («космическим») временем. Это можно увидеть, если проанализировать своеобразный символизм,

которым пользуется здесь Бердяев. Он говорит о «точке» как о символе «движении вглубь». «Движение вглубь» можно рассматривать как своеобразную переменную сознанием своей системы отсчета. Точнее, переменную оси в системе отсчета, при которой движение по новой оси проецируется в как раз в точку на предыдущей оси.

Символизм точки можно проанализировать и с иной позиции, как это делает художник и теоретик искусства В. Кандинский в своей работе «Точка и линия на плоскости». В целом, формулировка подобными символами хорошо известна художнику. И можно рассмотреть мысль Н. Бердяева о движении вглубь времени с позиции художника, который понимает, что на одно и то же можно смотреть отстраненно или изнутри. «Улицу можно наблюдать сквозь оконное стекло, при этом ее звуки ослабляются, ее движения превращаются в фантомы, и сама она сквозь прозрачное, но прочное и твердое стекло представляется отстраненным явлением, пульсирующим в «потустороннем». Или открывается дверь: из ограждения выходишь вовне, погружаешься в это явление, активно действуешь в нем и переживаешь эту пульсацию во всей ее полноте. Меняющиеся в этом процессе градации тона и частоты звуков обвивают человека, вихреобразно возносятся и, внезапно обессилев, вяло опадают. Движения точно так же обвиваются вокруг человека — игра горизонтальных, вертикальных штрихов и линий, устремленных в движении в различных направлениях, стущающихся и распадающихся цветовых пятен, звучащих то высоко, то низко»¹⁰.

Потому, хотя на первый взгляд и кажется, что Бердяев рассматривает не одно время, а два не связанных между собой — космическое и экзистенциальное, мы всё же видим «точку, говорящую о движении вглубь». И эта точка связывает у него две стороны времени.

Итак, Бердяев говорит нам не о разных «временах» а о разных сторонах единого Времени. Точка, «говорящая о движении вглубь», может соответствовать любой точке «космического времени», а, следовательно, все точки «космического времени» обладают этим движением вглубь, иначе говоря, эта координата субъективной глубины присуща времени в целом. Она характеризует изменчивость бытия в его неподвижности. В неподвижности, в которой физическое время выглядит точкой. Подобное ощу-

¹⁰ Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб., 2011. С. 67.

щение движения, заключенного в неподвижном, знает каждый художник. Так неподвижные линии картины содержат в себе движение. И так же, при рассматривании «изнутри» картины, здания и др. произведения искусства, мы видим длительность линий, их ритм, звучание.

Иначе говоря, мы можем смотреть на бытие «изнутри» в любой момент, в любой точке его объективной длительности, его истории. И это приводит к мысли о единстве времени у Бердяева.

Но также философ утверждает, что не человек во времени, а время — в человеке. Здесь уже он говорит о времени, как о едином, утверждая, что это единое время зависит от изменений в человеке. К этому же единству нас возвращает его рассуждение о природе, его утверждение, что любая действительность — исторична. А раз природа имеет свою историю, значит она имеет начало и конец, ведь понимание истории у Бердяева — эсхатологическое. Но начало и конец, в то же время, принадлежат субъективному времени.

Слова Бердяева: «Вследствие событий, происходящих в экзистенциальном времени, в истории есть развитие, обогащение»¹¹, и слова Маритена, что по ту сторону пространственного времени происходит последовательный рост абсолютного, что там — созидание, звучат в унисон.

И в унисон с «царством целей» Флоренского звучат слова Бердяева: «В экзистенциальном времени, которое ближе к вечности, нет различия между будущим и прошлым, концом и началом. В нем происходит вечное свершение мистерии духа. Вследствие событий, происходящих в экзистенциальном времени, в истории есть развитие, обогащение и есть возврат к чистым истокам. Периодически раскрываются чистые ключи, бьющие из экзистенциальных недр»¹².

Обобщая всё сказанное

У трёх мыслителей близкой к нам эпохи, но представляющих разные направления философствования, мы находим общее в метафизических представлениях. Это общее можно выразить тремя позициями:

1. ощущение длительности отлично от восприятия физического времени;
2. пространство-время имеет обратную сторону (иначе говоря, другую координату, другое пространство, примыкающее к данному);

3. на обратной стороне пространства-времени человек видит смыслы и цели бытия.

Различая два разных времени, философы стремились видеть в них две стороны единого бытия. Такая модель подобна системе двух независимых координат, двух взаимно перпендикулярных осей. Одна ось — физического времени — дает душе представление об упорядоченности явлений физического мира. Другая — позволяет, хотя и смутно, неясно, созерцать внутренний смысл бытия. Маритен утверждает: «Время созидательно!» Потому, что «вторая проекция» показывает «рост абсолютного». Мы видим само Бытие на наших двух плоскостях времени.

Случайно ли совпадение таких, на первый взгляд, умозрительных представлений у различных мыслителей, или это совпадение может свидетельствовать об их приближении разными путями к определённой истине, научной или философской?

Вида различие двух сторон времени, философы, тем не менее, не стали разделять их окончательно. Но в чем всё-таки единство? И не заключено ли оно лишь в понятии?

Время и понятие о нём

Вдумываясь в феномен времени, каждый из нас замечает отличие его измеряемых интервалов и нашего субъективного их восприятия. Мы нередко говорим про кого-то: «Как резко он изменился!» Но мы не принимаем в расчет, что для самого этого человека изменение было следствием пережитого им постепенного душевного развития за длительное субъективное время, хотя и за короткое физическое время. Субъективное время для всех течет по-разному и течение это неравномерно по отношению к физическому времени. Философы отмечали этот факт, при этом замечая, что об этом знает каждый, и что об этом говорит интуиция. А что можно сказать из опыта о физическом времени?

Понятие физического времени говорит нам, что оно течет одинаково для всех процессов и всех субъектов, оно не зависит ни от какого субъекта и, таким образом, мы знаем, что физическое время объективно. Согласно физическим представлениям, оно связано с движением, с процессами, и если бы никакие процессы не протекали, то и время остановилось бы. Это выглядит логичным, если не брать в расчет апорий Зенона — парадоксов, доказывающих невозможность движения. Так, апория «Дихотомия» показывает невозможность движе-

¹¹ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 263.

¹² Там же. С. 263.

ния при условии, что пространство непрерывно, а апория «Стадий» — невозможность движения в дискретном пространстве, т.к. при этом требуется существование промежуточных положений¹³. Существовать же таким промежуточным положениям в дискретном пространстве негде. Апории так и не были опровергнуты¹⁴, и некоторые философы (например, Б. Рассел) соглашались с моделью, представляющей мир как киноленту, т.е. последовательно сменяющие друг друга состояния. Такая

¹³ Апория «Дихотомия» показывает невозможность движения при условии, что пространство непрерывно, т.е. бесконечно делимо. Предположим, мы хотим пройти некоторый отрезок пути, в начале которого находимся. Для того, чтобы пройти весь отрезок, мы должны пройти сначала его половину. Но чтобы пройти половину, мы должны пройти половину этой половины и т.д. до бесконечности. Т.е. мы не можем сдвинуться с места, т.к. любое движение потребует пройти бесконечное количество точек.

Апория «Стадий» показывает невозможность движения при условии, противоположном предыдущему, а именно, что пространство дискретно и состоит из «клеток».

Пусть имеются три одинаковых тела А, В и С. Пусть каждое из них занимает по три клетки пространства. Допустим также, что А покоится, а В и С движутся равномерно навстречу друг другу.

За один шаг В и С сместятся относительно А, каждый на одну клетку. Но относительно друг друга они сместятся на две клетки. Это противоречиво, т.к. должно существовать промежуточное положение, когда В и С смещены относительно друг друга на одну клетку. Но где при этом оказалось бы А? Для него нет места.

Начальное положение

	A1	A2	A3	
B3	B2	B1		
		C1	C2	C3

Конечное положение

	A1	A2	A3	
	B3	B2	B1	
	C1	C2	C3	

Промежуточное положение — противоречиво

	B3	B2	B1	
		C1	C2	C3

¹⁴ Анисов А.М. Апории Зенона и проблема движения // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН / РАН. Ин-т философии, Обществ. ин-т логики, когнитологии и развития личности Вып. 14 / Редкол.: А.С. Карпенко (отв. ред.) и др. М., 2000. С. 139-153.

модель не помогает нам понять, почему состояния сменяются и где существуют состояния-«кадры» прошлого и будущего. И невозможность осознать движение в физическом пространстве полностью обесценивает наше кажущееся понимание феномена физического времени.

В душевном мире изменения логичны, но время — неоднородно. В физическом мире движение парадоксально, но время упорядочивает его. Эта противоположность уже сама по себе намекает на единство этих двух миров, как будто мы рассматриваем один предмет с двух противоположных сторон. Это напоминает мнимый мир П. Флоренского, изнанку, уравновешивающую парадоксальную действительность. Но что особенно важно, эта «изнанка» имеет непосредственное отношение к познавательной деятельности нашего сознания, потому ей больше всего и подошёл термин «мнимая». Здесь прослеживается связь со словом «мнение» и с санскритским «manas» — разум¹⁵.

Мы ощущаем субъективное время как «интуицию длительности». Мы ощущаем, что «...мы существуем во времени, ... мы длимся, изменяясь в действительности ... Именно таков опыт конкретной реальности длительности, опыт продолжающегося существования нашей глубинной психической жизни...»¹⁶. А как мы ощущаем физическое время и как познает его наше сознание? Попытаемся проникнуть в структуру данного понятия.

Во-первых, субъективное время отличается от физического наличием понятия *интервала времени*. Это понятие, это представление пришло не из физики. Действительно, можно привести строку известной песни: «Есть только миг между прошлым и будущим». Прошлое — уже прошло, и его не существует. Будущее — ещё не наступило, и его также не существует физически. Но всё же, между прошлым, настоящим и будущим есть реальная связь. Этой связью является энергия, которая обладает свойством сохраняться при любых превращениях. Например, мы видим перед собой высокое и ветвистое дерево. Оно является таким в настоящий момент, потому, что в прошлом поглощало достаточно энергии солнечных лучей.

¹⁵ См.: Сафонов А. Павел Флоренский, Георг Кантор и проблема творчества в математике. Интернет-источник: http://ec-dejavu.ru/f-2/Florensky_Cantor.html.

¹⁶ Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М., 2006. С. 14.

А в будущем, энергия, запасенная этим деревом, произведет другие изменения, процессы. Например, горение древесины в печи. Мы понимаем эту объективную физическую связь, но только через наше представление о прошлом и будущем, начале и конце, иначе говоря — об *интервале* времени. А это понятие относится к сфере наших субъективных переживаний: «В объективированном времени нет ни начала, ни конца, а лишь бесконечная середина. Начало и конец — в экзистенциальном времени»¹⁷.

Во вторых, в основе представления о времени лежит понятие постоянства, или *неизменности*. Это понятие, в свою очередь, связано с понятием однородности. Однородность — важное свойство, присущее физическому времени. Следствием этой однородности физики считают закон сохранения энергии¹⁸. Физическое время однородно, можно сказать, что все его моменты одинаково передают энергию и поэтому она сохраняется. Строго говоря, следствием однородности времени являются и другие законы сохранения (импульса, момента импульса). Для простоты мы обобщим их и далее будем говорить просто о законе сохранения. Для осознания этой закономерности нам требуется представление о сохранении, т.е. неизменности чего-либо вообще. Но откуда в физическом мире могло бы взяться само представление о неизменности, если в нем «все течёт, всё изменяется»? Очевидно, неизменным нам представляется в первую очередь сам факт существования нашего сознания. Неизменность бытия сознания — источник представлений о законах сохранения вообще. Если бы бытие нашего сознания было изменчиво, мы бы не имели представления о какой-либо неизменности. Потому и понятие неизменности, постоянства, сохранения — также принадлежит нашему глубинному психическому опыту.

Третье элементарное представление, которое используется нами как основание понятия «время» — это понятие *изменчивости*. Именно вследствие изменений, физических процессов мы можем заметить ход физического времени. Но откуда у нас понятие об изменении? Изменчивость противоположна неизменности. Она обнаруживает себя в отношении к неизменности существования нашего сознания. Представления

об изменчивости исходят из сохраняющейся потребности нашего сознания вновь и вновь обновлять свое субъективное содержание, сопоставляя его с бытием. Предыдущие состояния, частично запоминаясь, сохраняются в сознании, в его памяти. При этой работе сознания у него возникает ощущение длительности, тогда как само оно сохраняется неизменным. И, аналогично сохранению энергии в физике, в субъективном мире работают свои законы сохранения. В том числе, сохраняется память, без которой определить время как интервал было бы невозможно.

Подытоживая сказанное, мы видим, что необходимые для осознания физического времени исходные понятия, такие как длительность, интервал, закон сохранения, изменчивость — лежат в сфере нашей глубинной психической жизни, они заключены в интуиции субъективной длительности. Время в физическом мире предстает перед нами как набор загадок, шифров, ключи к которым лежат в сфере психической, душевной. Когда мы пытаемся осознать предстоящую перед нами загадку — время — мы используем для логических построений имеющиеся у нас шаблоны, а именно, наши субъективные представления о нашем глубинном существовании — о длительности, об интервалах, о прошлом и будущем, о меняющемся и неизменном. И удивительно! Эти представления почти точно подошли, совпали. Почти! Интуиция всё же постоянно нам намекает о приближенности и неточности такого понимания.

Из общих предпосылок мы конструируем для себя и субъективное и объективное время, и оба явления воспринимаем как Время. Такое понимание наших познавательных построений согласуется с современной философской наукой: «Разве не конструируем мы по собственной воле понятия на основе уже сложившихся понятий?»¹⁹. Нам видится — и не случайно — общее в нашем ощущении длительности и длительности физических процессов. И то и другое есть «*последовательный рост абсолютного*». И потому мы создаём даже не одинаковые системы понятий, а общие, единые понятия о времени.

Мы создаём наше понятие о времени по аналогии с нашей субъективной длительностью. Именно нашей, т.к. ощущение длительности чего-то другого нам малодоступно. Но иногда, всё же, возможно. Например, Николай Бердяев замечает: «Действи-

¹⁷ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 264.

¹⁸ См.: Яворский Б.М., Детлаф А.А. Справочник по физике для инженеров и студентов ВУЗов. М., 1968. С. 106-107.

¹⁹ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Мн.-М., 2000.

тельность всегда историческая, и другой нет. И так называемая «природа» имеет свою историю во времени, её имеют звезды неба и кора земного шара»²⁰. Иногда, в особом состоянии души, глядя «изнутри», например, на предмет древности или просто на камень, мы можем ощутить, как он длится в веках... И это является для нас подтверждением того, что верно проведена аналогия между длительностью и объективным временем. Для нас Время едино, но двойственно, т.е. имеет космические и субъективные свойства.

И всё же, в чём неточность такого понимания, где причина ощущаемого несоответствия между разными сторонами времени? Причина лежит в самом основании нашего построения, в его исходных предпосылках. Так, понимание неизменности нашего собственного субъективного бытия отличается от понимания нами неизменности объективного бытия чего-либо. Поэтому, например, я могу в рамках своего душевного содержания возвращаться к событиям прошлого или разглядывать будущее, но не могу проделать то же над объективным. Для реального путешествия во времени я должен сначала откорректировать свои субъективные представления, приблизив их к объективным. Но такое приближение весьма затруднено разделённостью субъекта и объекта, неизбежно проявляющейся в процессе познания. Нам трудно не только осознать такое глубинное свойство объективного, как неизменность. Само объективное предстает перед нашим сознанием лишь малой своей частью, и то — постепенно, по мере нашего возрастания и развития. Ещё более сложно увидеть изменчивость объективного при его неизменности, или, говоря словами Жака Маритена, увидеть «последовательный *рост абсолютного*».

Как и содержание нашей души, окружающий мир является нам в виде постоянно сменяющихся, живых картин, связанных общим стержнем — за-

Список литературы:

1. Флоренский П.А. Иконостас. СПб., 1993.
2. Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991.
3. Сафонов А. Павел Флоренский, Георг Кантор и проблема творчества в математике. Интернет-источник: http://ec-dejavu.ru/f-2/Florensky_Cantor.html.
4. Маритен Ж. От Бергсона к Фоме Аквинскому. Очерки метафизики и этики. М., 2006.
5. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995.
6. Кандинский В. Точка и линия на плоскости. СПб, 2011.
7. Иеромонах Михаил (Грибановский). Истина бытия Божия. Репринт. СПб, 2004.

²⁰ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. С. 259.

коном сохранения. Этот общий, объективный закон существования, является общим и для нас, и для внешнего мира. Изменчивость, как синоним жизни — тоже объективный и общий закон. Но изменчивость — у всех разная! И это делает бытие бесконечно разнообразным, бесконечно интересным.

Заключение

В физическом мире мы не можем осмыслить ни движение, ни время. Они парадоксальны для нас. В то же время, оба эти явления гармонично существуют в нашем душевном, субъективном мире.

В нашей душе разные состояния непрерывно сменяют друг друга, и нас не смущает отсутствие между ними промежуточных положений. Мы всё равно ощущаем себя непрерывно длящимися, существующими. Почему не предположить нам тогда, что и физический мир, подчиняясь своему глубинному закону, живёт — изменяется, длится. И предстает перед нашим сознанием отчасти соразмерной с нами своей стороной.

Но соразмерность эта — не полная. И потому понятие о времени, произведенное нашей глубинной психикой, ею же и отвергается, что создано оно для субъективного времени нашего сознания. Для времени, в котором наша душа недвижна или претерпевает развитие, остается неизменной или наполняется впечатлениями, переживаниями, мыслями и порывами воли. Для времени, в котором протекают процессы творчества, интеллектуального и духовного роста, в котором и создается история и человека, и общества. А что дает человеку всегда ускоряющаяся погоня за физическим временем, суть которого ему не ясна? Не унижает ли она человека, не губит ли его культуру?

8. Анисов А.М. Апории Зенона и проблема движения // Труды научно-исследовательского семинара Логического центра Института философии РАН / РАН. Ин-т философии, Обществ. ин-т логики, когнитологии и развития личности. Вып. 14. М., 2000.
9. Яворский Б.М., Детлаф А.А. Справочник по физике для инженеров и студентов ВУЗов. М., 1968.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Мн., 1999.
11. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Мн.-М., 2000.

References (transliteration):

1. Florenskiy P.A. Ikonostas. SPb, 1993.
2. Florenskiy P.A. Mnimosti v geometrii. М., 1991.
3. Safonov A. Pavel Florenskiy, Georg Kantor i problema tvorchestva v matematike. Internet-istochnik: http://ec-dejavu.ru/f-2/Florensky_Cantor.html.
4. Mariten Zh. Ot Bergsona k Fome Akvinskomu. Ocherki metafiziki i etiki. М., 2006.
5. Berdyaev N.A. Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya. М.: Respublika, 1995.
6. Kandinskiy V. Tochka i liniya na ploskosti. SPb, 2011.
7. Ieromonakh Mikhail (Gribanovskiy). Istina bytiya Bozhiya. Reprint. SPb, 2004.
8. Anisov A.M. Aporii Zenona i problema dvizheniya // Trudy nauchno-issledovatel'skogo seminar Logicheskogo tsentra Instituta filosofii RAN / RAN. In-t filosofii, Obshchestv. in-t logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti. Вып. 14. М., 2000.
9. Yavorskiy B.M., Detlaf A.A. Spravochnik po fizike dlya inzhenerov i studentov VUZov. М., 1968.
10. Bergson A. Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'. Мн., 1999.
11. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Мн.-М., 2000.